

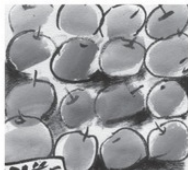
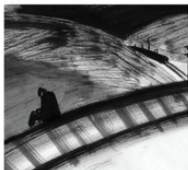

Глубина Альманах ТИХОГО ОМУТА

Хороший
ТЕКСТ

Главный редактор – философ
Александр Секацкий

Хороший текст

Глубина тихого омута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720133

ISBN 9785449018250

Аннотация

Перед вами – первый выпуск альманаха «Хороший текст». Главный редактор первого выпуска, философ Александр Секацкий, задал тему альманаха – «Глубина тихого омута», его структуру и композицию. По условиям конкурса принимались только ранее неопубликованные произведения. Широкая редколлегия рассматривала их анонимно, без имён авторов. Обсудить этот альманах, стать авторами следующих, а также поговорить на литературные темы вы можете на нашем портале horoshiy-text.ru. Будем рады вас там видеть!

Содержание

Уважаемые читатели!	5
Тихий омут, круги на воде и как не пройти мимо	7
Модест Осипов	14
Мои тряпичные крылья	16
Катерина Букшина	24
Он стал нужным	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глубина тихого омута

Хороший текст

© Хороший текст, 2017

ISBN 978-5-4490-1825-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В редколлегию первого альманаха «Хороший текст» вошли 300 человек.

Среди них как именитые писатели, так и читатели, доказавшие своё право решать судьбу присланных в альманах текстов

Уважаемые читатели!

Перед вами – первый выпуск альманаха «Хороший текст», изданного порталом horoshiy-text.ru.

Для отбора текстов в альманах мы применили новый, оригинальный принцип. Победители были выбраны широкой редколлегией. Её членами могли стать все желающие, прошедшие на портале квалификационный тест и тем самым доказавшие своё право судить.

Главный редактор первого выпуска, философ Александр Секацкий, задал тему альманаха – «Глубина тихого омута», его структуру и композицию.

По условиям конкурса принимались только ранее неопубликованные произведения. Широкая редколлегия рассматривала их анонимно, то есть без имён авторов.

Каждый текст оценивался по семи критериям, после этого член редколлегии выносил финальное решение: рекомендовать к публикации или нет. Оценки по всем критериям, включая решение, были агрегированы с помощью математической формулы, а результат – отранжирован.

В альманах было подано около 600 рукописей, более половины было отклонено за несоответствие условиям, в итоге редколлегия рассмотрела 170 рукописей. В альманах вошли 15 произведений с наивысшими суммарными оценками.

Оценки проставило более 300 человек, наиболее актив-

ными членами редколлегии были (имена приведены так, как люди представили себя на портале, в алфавитном порядке): Арина Амбарцумова, Дмитрий Ахременко, Владимир Бураков, Сергей Герасимович, Мария Голованивская, Игорь Градов, Елена Колмановская, Ингвар Коротков, Александр Лучанкин, Татьяна Москвина, Лариса Петрашевич, Сергей и Надежда Семёнов и Пудова, Жанна Титова.

Обсудить этот альманах, стать авторами следующих, а также поговорить на литературные темы вы можете на нашем портале «Хороший текст» (horoshiy-text.ru). Будем рады вас там видеть!

Ваш «Хороший текст»

Тихий омут, круги на воде и как не пройти мимо

Предлагая тему альманаха, я думал вот о чём.

Давно хотелось бы увидеть сумму размышлений о роли «подводных течений» в делах человеческих: в каждой отдельной жизни, в творческом свершении, в истории в целом. Да, на поверхности мировых событий мы частенько видим шум и ярость, но разве они правят миром? Очень похоже, что ни криком, ни отчаянием, ни жестокостью человечество не удивить.

Вспоминается сокровенное размышление Ницше: «величайшие события – это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы». Да, время от времени, ярость благородная вскипает как волна. Вскипает и встречная ярость. Но, тем не менее. По словам того же Ницше, сердце Земли из золота.

Но так и остается неразгаданной одна из самых загадочных загадок: что же всё-таки таится в глубинах тихого омута?

Теперь, когда молодые авторы внесли свой вклад и никто в омуте не утонул, никто не заблудился в тумане, я хочу вернуться к своим пунктирным версиям. Собственно, их было две. Одна касалась принципа Иисуса, всегда казавшегося мне так до конца и не понятным. Принцип гласит: делай-

те добро тайно: «У тебя же, когда творишь милостьню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6: 3). Дело в том, что человечество одержимо презумпцией гиперподозрительности и огромное количество интеллектуальных усилий ушло на то, чтобы разоблачить своекорыстные интересы, скрывающиеся под маской добрых дел. Что-то удалось разоблачить, что-то (кого-то) нет, но ясно, что дознание будет продолжаться, на него всегда есть спрос. Даже для историков дознание такого рода и есть их основное занятие...

Все же немного жаль затраченных усилий. Очень хотелось бы провести следствие другого рода, разобраться, а нет ли в истории (да и в нашей повседневности) ресурсов и следствий скрытого, неопознанного добра? А вдруг были люди, всерьёз принимавшие заповедь Иисуса, и они осуществляли свою помощь, своё содействие, причем делали это абсолютно анонимно, так, что в историю всё вошло под именем везения, выпавшего талантливому или просто достойному человеку? Может, счастливики и думали о добрых ангелах, но уж точно не подозревали, что их хранители живут в соседнем омуте...

Кажется, некоторые авторы альманаха руководствовались похожей идеей, но в целом всестороннее дознание на счёт скрытого добра ещё ждёт своего часа.

Теперь мое второе соображение, связанное с тихим омутом, его я хочу изложить более подробно в виде притчи

с комментариями.

ПРИТЧА О ВАХТЁРЕ

Эта притча несколько напоминает идею о Вратах Закона у Кафки – но всё же отличается от неё.

Итак, представим себе человека, ищущего просветления, расширения реальности, и совершающего для этого поэтапное восхождение, где не приходится жалеть никаких усилий. У него, у этого стяжателя силы, искателя совершенства, уже есть некоторые представления о том, как миновать стражу, и о том, как уже на подходе можно распознать сияние истины. То есть перед нами достаточно опытный соискатель совершенства.

И вот, во сне или наяву, он попадает в некое учреждение, относительно которого интуиция подсказывает ему, что здесь он должен, наконец, обрести истину. И наш взыскующий решительно открывает дверь и видит сбоку, под лестницей, небольшую комнату, скорее даже отсек, где сидит вахтёр. Именно классический вахтёр ещё советского образца, нисколько не похожий на стража. Он пьёт чай, отхлёбывая его из стакана в подстаканнике, на столе стоит незатейливая сахарница, лежат книги, вокруг ещё какие-то нехитрые вещи – но нашему путнику, конечно, не до вахтёра.

– Вы куда путь держите? – приветливо и несколько старомодно спрашивает вахтёр.

– Мне нужно туда, в ваше здание, – слышится в ответ.

– Но никого больше нет.

– Я слишком долго шёл, и я должен туда попасть.

Вахтёр, на удивление, не особенно спорит: «Что ж, проходите, сами увидите».

И путник, не успев удивиться тому, что страж не стал его даже испытывать, ничего не потребовал (то ли дело прежние стражи, встречавшиеся ему, тех миновать было нелегко), решительно проходит через вахту.

Далее возможно двоякое развитие событий. В длинном коридоре второго этажа действительно все двери оказались закрыты и комнаты пусты. Путнику пришлось вернуться и спросить у вахтёра, когда же учреждение будет работать.

– Быть может, завтра, – ответил тот.

Или второй вариант: за одной из дверей обнаружилось сияние, ищущий просветления обрёл его, даже не входя в комнату, и ушёл домой просветлённый. Однако вскоре просветлённый сообразил, что нечто подобное уже происходило с ним на других уровнях: просто теперь, стало быть, он имеет одним просветлением больше.

Одновременно в его памяти возник скромный вахтёр и его будочка, просветлённый вдруг вспомнил, что лежавшая на столе книга была в загадочном кожаном переплёте, а диванчик был застелен шкурой Единорога... Да и вся обстановка теперь представлялась очень странной, просто то-

гда не хватило времени всё это оценить.

Так искатель истины понял свой просчёт, он поспешил вновь в учреждение, но, понятно, его уже не обнаружил. В этом сходятся оба варианта развития событий.

Возникает вопрос: мораль сей басни какова?

Что ж, перед нами версия человеческой экзистенции, безусловно претендующей на истину. Беда приходит оттуда, откуда не ждали, иначе она не беда. Но и самое главное, то, что мы называем преобразованием, тоже приходит откуда не ждали. Или не приходит вообще, если нет готовности к экзистенциальным рискам.

Это значит, что во всякой автоматизации присутствия возникает ложь, например возникает как заикливание и даже как сама смертность. И это отчасти вопрос о качестве азарта и о спектре риск-излучения. Если реакторы по производству души отличаются повышенной радиацией, а их остановка неизбежно ведёт к мерзости запустения и к последующему остыванию Вселенной, то всё же крайне важно ещё учесть ловушки. Тут можно говорить об игровых автоматах в самом широком смысле слова, о хорошо замаскированных аналогах примитивного «однорукого бандита».

Но одновременно в этой притче в образе вахтёра спрессована едва ли не важнейшая амбивалентность этого мира. Ведь, с одной стороны, ловушка называется «поговори со мной» – и можно с лёгким ужасом представить себе,

сколько людей не дошли до цели, потратив время на разговоры с различными вахтерами, фактически истратив на это жизнь. Однако в столь же серьёзную и не менее грустную ловушку попадают и те, кто всегда проходит мимо вахтёров, даже не останавливая на них взгляда, — их участь можно определить как автоматизм линейных озарений. Ведь это только на первый взгляд перед нами траектория чистого восходящего движения. Может быть просто включён какой-нибудь «стиратель памяти», и тогда топтание на одном месте, на той же самой площадке будет восприниматься как движение вперёд и восхождение. Мы-то склонны думать, что эффект «дежа вю» возникает крайне редко, производя впечатление чуда, но возможно, что наоборот, опознание время от времени «заедает», заставляя думать о продвижении, которого нет. Такова дилемма между застреванием на вахте и заеданием опознания уже не раз виденного.

И тогда реальность будочки стационарного зрителя где-то на отшибе, того же вахтера, во многих отношениях действительно является решающей, без её учета невозможно понять идею Боговоплощённости (кенозиса).

Представим себе всех этих «обладателей силы», претендентов на бессмертие, и даже в некотором смысле бессмертных. Вот они мчатся в своих огненных колесницах, преодолевая препятствия и обрастая победами. Но как стереотипны и однообразны их истории, и как путаются из-за

этого их имена. Но вот один из них (так можно было бы подумать) задержался в пыльной Палестине, принял на себя конкретную историю и именно этим учредил уникальную инновацию мира, нечто никогда не бывшее...

Что ж, и в качестве напутствия: присмотришь к тихому омуту и проходи мимо него осторожно.

***Александр Секацкий**, главный редактор первого альманаха
«Глубина тихого омута»,
философ, преподаватель Школы «Хороший текст»*

Модест Осипов

Александр Секацкий: «Этот рассказ Модеста Осипова обладает редким качеством полной завершённости. Очень

точная дозировка пафоса, нет никакого перекоса ни в сторону жалости к незадачливому герою, ни в сторону компенсирующей грёзы. Если поставить контрольный вопрос: а можно ли развернуть эту историю в цепочку „приключений ангела“, ответ будет отрицательным. Всё сказано, и ретроспективное движение восприятия от неожиданной концовки ко всем эпизодам, ко всем „ступенькам подъёма“ создаёт эффект целого. Собственно, так и устроено производство литературы в отличие, например, от школьного сочинения. Все прочие „находки“ детали сообщения срабатывают при выполнении этого минимального условия – и у Модеста Осипова они срабатывают».

Мои тряпичные крылья

– Ангела вызывали? – спрашиваю у прохожих. Кто-то улыбается, играет в мою игру, другие считают чудачком, дураком, жуликом. С утра до позднего вечера я хожу по городу, ищу, кому нужен ангел, и стараюсь им быть. От гонораров не отказываюсь – ни от скромных, ни от щедрых.

«Принимаются к оплате шоколадки и конфеты, поцелуи и объятия, и банкноты, и монеты», – отвечаю, если кто спросит.

Когда людей на улицах становится совсем мало, я снимаю крылья, прячу их в пакет и возвращаюсь домой.

Да что ж такое! Опять лифт сломался. Подниматься на шестой этаж мне придётся пешком. Спросите любого астроматика, и он Вам точно скажет, сколько ступенек от двери подъезда до его квартиры. До моей – сто двадцать семь.

Первый этаж. Не буду останавливаться, пойду дальше.

...По утрам выхожу на балкон и прислушиваюсь: звенят трамваи, каблучки по брусчатке цокают, дождь шуршит, тревожно сигналият кому-то автомобили... Я стараюсь поймать мелодию нового дня, загадываю, каким он будет – у ангелов свои приметы.

День будет удачным. Дождь перестал, на несколько минут выглянуло солнце. Совсем молодые ребята, приезжие, стоят посреди Пушкинской, разглядывают карту города, решают, куда идти. Я поправил крылья, подошёл к ним.

– Ангела вызывали? – спрашиваю.

– Э-э... Нет. А разве можно ангела вызвать? – девушка улыбнулась. Её спутник рассматривал меня бесцеремонно и скептически.

– Можно, конечно. Вот Вы, молодой человек, любите эту девушку?

– Да, – буркнул он.

– А Вы, юная путешественница, любите того, кто любит Вас? – я посмотрел на неё поверх очков. Снова поправил крылья. Когда надеваешь их на тёплую куртку, они смешно топорщатся и плохо держатся.

– Люблю, – ответила девушка.

– Значит, вызывали. Ангелы прилетают на любовь, как бабочки на цветы, – я неловко подпрыгнул, будто прилетел...

Тридцать первая ступенька, второй этаж.

– Здравствуйте, Нина Васильевна.

– Добрый вечер, Митя.

Товарищ по несчастью – старушка с третьего этажа – спускается навстречу, к почтовому ящику. Вроде бы за газетой,

но на самом деле ждёт письмо от сына. Ей тоже тяжело будет подниматься.

– Лифт не работает, я кнопку-то нажимала-нажимала, а его всё нет. Пришлось пешком идти.

– Да, опять испортился, приду домой и позвоню в аварийку.

– Ты не спеши, сынок. Совсем запыхался.

Я пожелал соседке доброго здоровья и пошёл дальше.

...Те ребята-путешественники... Обычно чувствую, угадываю, к кому стоит подходить, а к кому нет. Не все верят в близорукого ангела с тряпичными крыльями за спиной, тучного и одышливого, как Гамлет, принц датский. Вот и они не поверили, не нашёл к ним дорожку.

Дальше тоже не задалось. Нарисовал на листке из блокнота смешную сову, хотел подарить девушке с огромным цветастым зонтиком. Она ходила туда-сюда по Театральной площади, каждые несколько минут звонила кому-то, никак не могла дозвониться. Я представил себе, как девушка улыбнётся, спрячет картинку, вернётся домой, достанет мой подарок из сумочки, улыбнётся снова и, может быть, даже вспомнит об уличном ангеле. Но она отшатнулась, огрызнулась, рисунок упал в лужу.

В сквере напротив Драмтеатра двое мальчишек лет восьми и худенькая рыжая девочка играли в снежки. Под деревьями ещё полно снега, он мокрый, рыхлый, для снежков лучше не придумаешь. Подхожу, спрашиваю, можно, мол,

с вами поиграть? Вместо ответа в меня летит снежок. Значит, можно. Малыши тут же объединяются, атакуют с разных сторон, я едва успеваю наносить контрудары, верчусь взад-вперёд, чуть не роняю в сугроб очки. Вдруг вырастает, как из-под земли, женщина средних лет, с перекошенным от гнева лицом, и, срываясь на визг, кричит, что я, здоровенный мужик, убью или покалечу её Витечку прямым попаданием снежка в какой-нибудь жизненно важный орган. Хоть кто-то считает меня мужиком. Даже спорить не стал, ушёл...

Пятьдесят пятая ступенька. Третий. Передышка. Попробую обойтись без ингалятора. Я люблю свой дом, один из самых высоких в городе, квартиру на последнем этаже. Только бы лифт не ломался. Сто с лишним лет назад губернатор Тимофей Барятинский запретил строить в Новгороде-Днепровском дома выше шести этажей и церкви выше Софии. И ведь не строят. А где ещё жить ангелу, как не под самыми крышами? Разве что свить гнездо на телебашне.

...Середина дня, моросит дождь. Кряхтя и пыхтя, я втиснулся в телефонную будку, она мне явно маловата. Телефон-автомат давно убрали, никто уже ими не пользуется, но будки остались – старинные, красные, с гербом города над дверью. В них легко помещаются двое влюблённых, а один толстый ангел – с трудом. Вот они идут – паренёк в куртке

без капюшона, девушка в демисезонном пальто.

Выпархиваю, взмахом воображаемой шляпы приглашаю их в будку:

– Ангела вызывали?

Даже не ответили, спрятались и закрыли дверь прямо перед моим носом...

Семьдесят семь. Восемь. Девять. Четвёртый этаж. Отдохнуть. Лифт что-ли поехал? Нет, показалось. В городе, среди людей ходить легче, дышать легче, я будто забываю о своей астме.

...Дождь разошёлся. Сажу на широченном подоконнике в кафе на Пушкинской, в гнезде из диванных подушек. Уютно, тепло, пахнет булочками с корицей, на батарее сохнут мои тряпичные крылья. Представляю, как заходит с улицы другой ангел и дарит мне счастье. Нет, обознался, это портной из ателье по соседству пришёл в «Чудное мгновенье» за гостинцами для внучки.

За столиком у окна студентка читает Диккенса, делает пометки на полях, выписывает что-то в толстую тетрадь. В дальнем углу сидит молодой человек, пьёт чай и украдкой смотрит на незнакомку, подойти к ней явно не хватает смелости. Надо помочь, есть работа для ангела-почтальона. Я тянусь было за крыльями, но девушка вдруг вскакивает, хва-

тает рюкзак, книгу, тетрадку, вылетает из кафе. Зачиталась, наверное, и теперь мчится на лекцию. Жалко, красивая история могла бы получиться...

На площадке между четвертым и пятым этажами стоит стул, на подоконнике – пепельница, пачка крепких сигарет, подмокший вчерашний «Спорт сегодня». Это уголок Сан Саныча из двадцатой квартиры – жена запрещает курить дома, и он приходит сюда в домашнем застиранном халате, читает о футболе или с тоской смотрит в окно. Лет пять назад весёлый пьянчужка Сан Саныч каким-то чудом бросил пить, но стал меланхоликом. Посижу чуть-чуть на его стуле и пойду дальше.

Девяносто девять. Сто. Сто один. Сто два. Сто три. Пятый. Ф-фух! Почти дошёл.

...Не повезло мне сегодня с погодой, прохожие попрятались по домам раньше обычного. Пора снимать крылья и идти домой.

– Ой, Славик, смотри, ангел! Тот самый!

Ко мне подбежала молодая женщина, следом подошёл мужчина постарше, подал руку.

– Здравствуй, ангел.

– Добрый вечер, дети мои. Чем вам помочь?

– А ты уже помог, – женщина улыбнулась. – Позапрошлым

летом мы здесь гуляли и тебя встретили. Ты заставил Славика встать передо мной на одно колено и читать стихи. Помнишь? Ничего такого ведь ещё не было, мы просто вместе работали.

Помню. Всё верно, именно этим я и хотел заниматься, чтобы ничего между людьми не было, а потом вдруг...

Они рассказали о помолвке, о свадьбе, о том, как прожили почти год в Гаване. Осенью вернулись, купили участок в дачном посёлке под Цыганской горой и в мае начнут строить дом.

– Спасибо тебе, – сказал Славик.

– Спасибо, ангел, – его спутница обняла меня и звонко поцеловала в лоб.

– Счастья вам, счастья, счастья! – пропел я. Дал петуха, и они рассмеялись.

Шесть лет мне понадобилось, чтобы эти двое повстречали, заметили, полюбили друг друга. Шесть лет и четыре попытки, но они, конечно, запомнят только последнюю, удачную.

Сто двадцать семь. Вот я и дома. Вешаю пакет на крючок в прихожей. Крылья влажные, надо будет на ночь положить их на батарею. Малыш прыгает вокруг меня, вертит хвостом, встаёт на задние лапы. Он голодный, конечно, и гулять хо-

чет, и просто рад, что я вернулся. С ним нет смысла притворяться, прятаться, исчезает Митя, близорукий астматик, неуклюжий уличный ангел с тряпичными крыльями. Передо мной поставили одно условие: люди не должны ни о чём догадаться. О собаках речь не шла, и Малыш видит меня настоящим – светлым, лёгким. Видит серебристо-белые крылья за моей спиной.

Катерина Букшина

Александр Секацкий: «Емкая проза Катерины Букшиной несёт в себе следы оригинальности и неподдельности. Ложатся в строку даже некоторые нарочитые неправильности вроде того что „на полу валялся запах“, поскольку всё попадающее в поле зрения автора освещается странным мерцающим светом. Это признак стихийной силы повест-

гования, как бы не знающей (и не желающей знать), где заканчивается психологический очерк и начинается эпос. Угол зрения, точка отсчёта перемещаются в любую систему координат, в текст словно бы вмонтировано устройство противодействия замыленному взгляду, и некоторые ракурсы говорят сами за себя, подсказывают стилистику письма: „Карандаш будто прожил всё, что создавалось его человеком, – он был оскалившимся львом, парусником в океане, печальной женичиной и загадочным существом, был далекой планетой и утренним цветком“. История отношений карандаша с его человеком и вправду рассказывается из глубины какого-то омута, и прием, используемый ещё в сказках Андерсена, применяется Катериной Букишиной бестрепетно и приносит свои плоды».

Он стал нужным

Люди – мы живем по-людски.

Кошки живут по-кошачьи.

Он стал нужным – его жизнь началась.

Карандаш вышел из-под станка красивым – шестигранная деревянная оправа пахла свежей краской, плотный графитовый сердечник мягко отражал свет металлическим оттенком. Он был заточен так идеально, что мог бы стать шпагой в руке любого мальчишки.

Но купивший его человек не играл в дворовых мушкетёров. Напротив, он стоял на пороге той особой юношеской серьёзности, которая взрослеет так же отрывисто и непропорционально, как и молодое тело.

Хозяин карандаша усердно чертил линии на клетчатых листах тетради, графит оставлял частицы себя на деревянной линейке. Шурша по бумаге, карандаш неровно бегал по строчкам, оседал небрежными пометками на полях, порой дважды или трижды возвращаясь к затёртым ластиком местам. Борозды от начерченных ранее линий были глубоки – человек держал карандаш крепко и нажимал на бумагу с силой, как будто упрямым усердием пытался перекрыть те знания, что не хотели устроиться в его голове. Он думал, что будет убедительнее для самого себя, если заключит

свои доводы в жирные тёмные контуры. Невиданные графики и формулы были чужды карандашу, но столь же чужды они были и руке, выводившей их. Скорые мысли человека лишь на малую долю секунды задерживались на букве или линии, и чем меньше он понимал – тем сильнее графит вдавливался в бумагу, порой как будто со злостью. Карандаш чувствовал себя виноватым, но не в его силах было вложить смысл в тот след, что он оставлял за собой, он управлял лишь формой, содержание же было ему неподвластно.

Потом что-то случилось в жизни человека, и его рука стала легче и небрежнее. Сперва на замену упрямству пришло изумление, потоками проходившее через графитовый сердечник, – карандаш и его хозяин вдруг обнаружили в себе множество оттенков. Отчаявшись совладать с однотонными формулами, человек поначалу несмело, без всякого движения к результату, рисовал фигуры. Под его рукой появлялась форма у конуса и сферы, несуществующий свет ложился на текстуру гипса, металла, дерева. Человек всякий раз точно знал все свойства того, что он отражает на бумаге, словно он держал это на своей ладони. Вскоре рука обрела уверенность. Теперь не бессильное упрямство владело им, когда глубокие и злые линии и плотно сжатые губы подходят на роль последних аргументов. Он старательно, со знанием дела стал вдыхать жизнь во всё, что обитало в его воображении. Разноцветный калейдоскоп мыслей, нетерпеливо дрожащий в ожидании выхода, поселился в графитовом сердеч-

нике. Карандаш будто проживал всё, что создавалось его человеком, – он был оскалившимся львом, парусником в океане, печальной женщиной и загадочным существом, был далёкой планетой и утренним цветком. Человек создавал новую реальность, и карандаш был частью этого акта творения, ощущая, как через его сердечник из руки на бумагу проходит содержание, смысл, характер и само существование. Карандаш и его хозяин были счастливы. «Мне видится теперь, что я обрел целостность, – писал человек кому-то, – найти дело по душе – событие исключительное и в масштабах одной судьбы влияющее на ход личной истории. Но сколько отваги нужно, чтобы следовать ему! Краеугольный камень моего мироустройства у меня под ногами, но покуда я топчусь на нём в нерешительности, лишь стараясь не соскользнуть. Но чувствую, в скором времени найду в себе необходимые ресурсы, чтобы начать строить на нём цитадель моей счастливой судьбы. Даровать бы всем по такому открытию! Это же свобода в чистом виде – да, именно так, ведь мое сердце никогда не бывало таким вольным».

Случилось так, что на самом гребне волны такого нужного, полезного счастья хозяин бросил его. Человек зашвырнул карандаш, ставший вполовину короче, в пустой ящик стола – там было темно, пыльно и настолько бесполезно, что он впервые за недолгую жизнь ощутил себя простой деревяшкой с грифелем. Как же так вышло? Время всё шло и шло, но существование оставалось безропотно-пустым. Карандаш

тосковал по созиданию. Где его человек?

Прошла не одна вечность прежде, чем яркий свет грубо ворвался в его застывшую жизнь. Ящик торопливо открыли, так, что карандаш выкатился навстречу своему человеку, звонко гремя всеми шестью гранями о деревянное дно. Его ухватили шершавые, чужие руки и небрежно сунули в нагрудный карман. Нет. Руки были те же, но человек стал совсем другим – он потемнел, из него ушли нетерпеливые мысли, он стал похож на те упрямые глубокие линии, что рисовал, примеряя на себя неподходящую жизнь. Карандаш знал, что больше они не станут создавать вселенные на бумажных листах, но он зачем-то ему понадобился – и одно это уже было маленьким, но смыслом.

Земля вокруг постоянно сотрясалась от грохота, и в воздухе плохо пахло, целая палитра неизменно дурных запахов. Человек нервничал, суетился и раздражался по пустякам, он часто был напуган и плохо спал ночами.

Когда, наконец, он достал из кармана старый карандаш с затертой на ребрах краской, то долго держал его в руке, медленно поднося к желтоватой измятой бумаге и тут же спешно отнимая руку. Поблекшая телесная память напомнила человеку, как с этой вещицей он пытался пробраться через дебри геометрии и физики, как после учился рисовать, каждым своим движением мечтая о будущем и приближая себя к нему. Теперь эти воспоминания отдавали едкой наивностью, и тепло, которым от них веяло, лишь раздражало

уоставшее сердце. Шумно и отрывисто выдохнув, человек наконец коснулся серым грифелем бумаги.

«Здравствуй. Со мной всё в порядке, мама. Кормят сносно, и ноги в тепле. Не обижает меня никто, только мои собственные мысли. Но я справлюсь, это не страшно. Видел здесь на одном лугу цветы – синие звёздочки, очень подойдут твоему саду, туда, между яблонями. Непременно возьму их с собой на обратном пути».

Человек сильно сжал карандаш в кулаке. Внутри него всё клокотало – шумный сонм мыслей, они насакивали друг на друга, толкались, и всем хотелось на бумагу – скорей, скорей! Вытащить на поверхность все эти ужасы, которые творятся вокруг и внутри, поделиться, снять с себя часть груза. Нельзя. Ничто из того, что ржавчиной осело на его душе, не предназначено этому пожелтевшему клочку бумаги. Достаточно того, что он впитает в себя вонь и сырость окопов, так пусть хотя бы буквы скажут измождённой переживаниями матери, что у её сына всё хорошо.

Карандаш вновь отправился на покой. Вокруг продолжало грохотать, иногда древесина разбухала в промокшем от дождя кармане, но оправа не смела позволять себе трескаться, да и грифель мужественно оставался пригодным. Человек же всё больше опустошался. Он стал беднее на несколько десятков вселенных, что жили в нём прежде, и с каждым днём всё чаще боялся. Естественный страх за свою жизнь уже изжил себя, ушёл надоевшим гостем, и сильнее всего он

теперь страшился того, что способно прийти на замену покинувшим его мирам. Природа не терпит пустоты, и если судьба выгнала из него свет и созидание, чего же тогда ему ждать взамен?

Однажды особенно сильный гром разорвал воздух. Треск, гул и хаос куполом накрыли мир, и карандаш чуть не выпал из кармана. Жар стал вокруг, как будто человек стоял рядом с костром.

Слышались крики.

– Достань... в кармане... Дай... Крепкий, выдержит.

Человек зачем-то положил карандаш к себе в рот. Другой человек, покрытый землёй и копотью, сделал резкое движение, от которого хозяин карандаша истошно закричал, со всей силы впившись зубами в древесину. Выдержать такое напряжение было чрезвычайно трудно, но он не сломался. Человек не надломил его и не коснулся зубами сердечника, но оправа навсегда сохранила на себе следы его боли – глубокие, синхронные, позже забившиеся грязью.

«Что-то прохудилось в жизни. Она стала протекать, доселе полная и густая, теперь она спешно убегает, как вода через сито. Я раньше любил запах сырой земли, помнишь? Всякий раз принюхивался после дождя. В окопах так сыро, что я больше никогда не смогу выносить его. Было сражение на реке. Я видел, как по ней плыли тела и окрашивали собою воду бурым. А листья – осенние листья, они обыкновенно кружат на поверхности, знаешь? Они тонули. Шли на самое дно, ед-

ва касаясь воды. Разве так бывает? Почему они тонули, мама? Вокруг меня вдруг стал неправильный мир. Неправильный мир. Я никогда не отправлю это чёртово письмо, меня крутит всего, когда я представляю твой тревожный взгляд, бегающий по строчкам, и слёзы, в которых уже не осталось ни соли, ни жизни, потому что это всё тоже вытекло через сито войны».

Рука человека дрожала. Он сильнее хватался за карандаш, как за поручень в трамвае, но никак не мог унять эту дрожь, стремительно теряя равновесие души и рассудка. Всё то, чем он доселе так тонко чувствовал вибрации мироздания, пришлось выкинуть или изменить. Уплотнить свои моральные рецепторы настолько, чтобы через них не могли просочиться запахи крови и дыма, что окружали его теперь.

«Я маленький человек в этом хаосе. Я вижу здесь порой, как ломаются сильные люди, и это наполняет меня таким страхом, от которого я не могу ни думать, ни двигаться. В детстве я твёрдо знал, что должен стать отважным и доблестным. Это кажется величественным ориентиром, но вместе с тем простым и достижимым – потому что это правильно, быть таким. Но я им не стал, ведь доблесть не поддаётся мне, а сила и отвага не приживаются в моём естестве, оно не подходит им по размеру. Я утешаюсь той простой мыслью, что доблестные люди тоже имеют право на страх, и их так же щемит от неуверенности и сомнений. Но очевидное их преимущество – в осознании собственного предела, в пример-

ном понимании, в какой же точке находится тот рубеж, перейдя который они окажутся надломленными. Моя беда как слабого человека в том, что я не могу представить, где мой собственный предел, и потому мне приходится ждать его наступления всякую минуту. Это так жутко, пристально вглядываться в каждый момент бытия, пытаюсь различить в нём шаг в пропасть».

Время совершенно потерялось в пространстве. Карандаш давно не точили. Его грифель затупился, стал округлым и мягким, и практически не показывался из древесины. Человек сильно истощился. Казалось, что эмоции утомили его, и он стал отмахиваться от них всякий раз, как они пытались завладеть его сознанием. Всё его нутро устремилось к равнодушию, осознав, что это единственный способ пережить происходящее. Многие из того, что вызывало отторжение, стало привычным, а то, что ужасало, – превратилось в досадный дискомфорт.

Впоследствии карандашу приходилось писать странные и непривычные вещи. Его наконец заточили отрывистыми движениями, пройдясь по грифелю безжалостным лезвием, и заставили перечислять боеприпасы, писать даты, фамилии, ставить плюсы и минусы, распределяя чьи-то судьбы. Как-то вечером, в грязном и сыром воздухе, пока вокруг бегали и сустились люди, человек написал на сером мятом листе под списком неизвестных фамилий: «Распоряжение: расстрелять». На секунду огрубевшие пальцы дрогнули, слов-

ным импульсом пытаюсь отвести от себя реальность, но и эта эмоция была умело погашена. Карандаш перестал чувствовать хоть что-либо, что бы исходило от хозяйской руки. Кажется, будто его человек заперся где-то внутри самого себя, оставшись один на один со своим протестом, не выраженным и никем не распознанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.